

Н.Н. Наседкин

Свидригайлов

СВИДРИГАЙЛОВ Аркадий Иванович — персонаж романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», помещик; муж Марфы Петровны Свидригайловой. В романе дважды дается его портрет. В начале: «Это был человек лет пятидесяти, росту повыше среднего, дородный, с широкими и крутыми плечами, что придавало ему несколько сутуловатый вид. Был он щегольски и комфортно одет и смотрел осанистым барином. В руках его была красивая трость, которою он постукивал, с каждым шагом, по тротуару, а руки были в свежих перчатках. Широкое, скулистое лицо его было довольно приятно, и цвет лица был свежий, не петербургский. Волосы его, очень еще густые, были совсем белокурые и чуть-чуть разве с проседью, а широкая, густая борода, спускавшаяся лопатой, была еще светлее головных волос. Глаза его были голубые и смотрели холодно-пристально и вдумчиво; губы алые. Вообще это был отлично сохранившийся человек и казавшийся гораздо моложе своих лет...» В конце романа (в 6-й части) портрет повторяется, психологически уточняется, конкретизируется: «Это было какое-то странное лицо, похожее как бы на маску: белое, румяное, с румяными, алыми губами, с светло-белокурою бородой и с довольно еще густыми белокурыми волосами. Глаза были как-то слишком голубые, а взгляд их как-то слишком тяжел и неподвижен. Что-то было ужасно неприятное в этом красивом и чрезвычайно моложавом, судя по летам, лице. Одежда Свидригайлова была щегольская, летняя, легкая, в особенности щеголял он бельем. На пальце был огромный перстень с дорогим камнем...»

Впервые Свидригайлов упоминается в подробном письме Пульхерии Александровны Раскольниковой к сыну Родиону Раскольникову с горьким рассказом о злоключениях его сестры Авдотьи Романовны Раскольниковой, служившей в доме Свидригайлова и его жены Марфы Петровны гувернанткой. Сластолюбивый Свидригайлов преследовал Дуню и, получив отказ, оклеветал, так что ей пришлось оставить место. Правда, впоследствии Свидригайлов признался в клевете, но вслед за матерью и дочерью Раскольниковыми, переехавшими в Петербург, появляется в столице (после смерти жены, которую он, судя по всему, отравил) и начинает буквально преследовать Авдотью Романовну. Случайно оказавшись соседом Сони Мармеладовой, Свидригайлов подслушал исповедь-признание Родиона Раскольникова в убийстве старухи-процентщицы и пытается этим шантажировать его сестру. Перед этим в разговоре с Раскольниковым его «двойник» (именно такую психологическую роль в романе играет Свидригайлов по отношению к студенту-убийце) откровенно признается-рассказывает о былых своих деяниях: был шулером, сидел в долговой тюрьме, женился на Марфе Петровне из-за денег, изнасиловал девочку, которая потом покончила с собой, довел до самоубийства лакея Филиппа... По Свидригайлову, вечность — «вроде деревенской баньки, закоптелой, а по всем углам пауки».

Этот персонаж — первый настоящий, безусловный и, так сказать, логический самоубийца в мире Достоевского: продумавший самоубийство, подготовивший его, обосновавший и совершивший. Свидригайлов и сам знает, что он погибший — и не только в пороках, но и в самом прямом смысле слова погибший человек. Авдотья Романовна Раскольникова — последняя и единственная его надежда удержаться на этом свете, еще остаться-продолжить жить. Увы, с ее стороны он не может ждать не только терпимости и сострадания (каковыми одаривала порой Аполлинурия Сулова, в какой-то мере — прототип Дуни, Достоевского): Дуня его презирает и даже ненавидит — для нее он однозначно отвратителен. А Свидригайлов даже в вине растворить-утопить свое отчаяние не может, ибо, хотя в молодости и отдал обильную дань Бахусу, теперь даже шампанское не любит

и не переносит (как, к слову, и сам Достоевский). Его любовь к Дуне — это еще и не просто влечение пожилого угасающего мужчины к молодой прекрасной девушке, но и его страстное желание хоть кем-то, наконец, стать. Он признается Раскольникову: «Верите ли, хотя бы что-нибудь было; ну, помещиком быть, ну, отцом, ну, уланом, фотографом, журналистом... н-ничего, никакой специальности! Иногда даже скучно...» Но, как ни странно, человек этот боится смерти («...боюсь смерти и не люблю, когда говорят о ней», — признается он Раскольникову). Он так мистически боится смерти, что придумал для своего грядущего самоубийства своеобразный эвфемизм — вояж в Америку. Об этом «вояже» он говорит-поминает в разговорах с Раскольниковым, с Соней Мармеладовой. Кстати, в мистическом страхе смерти романские двойники — Раскольников и Свидригайлов — абсолютно схожи. О Раскольникове сказано: «В сознании о смерти и в ощущении присутствия смерти всегда для него было что-то тяжелое и мистически ужасное, с самого детства...»

Но известно, что многие самоубийцы до своего рокового шага боялись смерти, отрицали ее и даже осуждали покончивших с собой. Процесс этот — от отрицания смерти до исполнения «автоприговора» — детально, со всеми психологическими подробностями описан-показан Достоевским на примере Свидригайлова. Он предчувствовал свой трагический конец, но до последнего мгновения пытался избежать его или, по крайней мере, отдалить-отсрочить. Имелось и два варианта для этого: жениться, как он задумал, на пятнадцатилетней невинной девочке или же добиться взаимности Дуни Раскольниковой. Девочка-невеста и в самом деле существует — Свидригайлов ездит в ее дом с подарками, охотно рассказывает о ней Раскольникову. Сватовство к малолетней невесте, судя по всему, было для него делом не весьма серьезным — по инерции, по закоренелой привычке к сладострастию и наклонности к педофилии, а вот на Авдотью Романовну человек этот поставил всерьез. Его мучительная страсть к сестре Раскольникова длилась уже не один день и достигла точки кипения. Еще когда Дуня жила в его имении, он готов был по первому же ее слову убить жену (что, впрочем, он и сделал позже без всякого соизволения), а теперь он решил поставить на карту собственную жизнь: он выдерживает под дулом револьвера несколько минут — Дуня даже легко ранила его.

Перед решительным, последним свиданием-разговором с Авдотьей Романовной Свидригайлов совершает невероятные для него поступки: оплачивает похороны Катерины Ивановны Мармеладовой, выделяет капитал на устройство ее детей-сирот, предлагает Раскольникову 10 тысяч рублей для Дуни, дабы избавить ее от вынужденного брака с Лужиным, а все семейство Раскольниковых от нищеты... Однако ж странного в этом ничего нет. Свидригайлов прекрасно понимает, что такой, каков он есть, он вызывает у Дуни всего лишь брезгливость и отвращение. Он предпринимает кардинальные, на его взгляд, попытки в единый миг как бы переродиться, сделаться лучше. Предстать перед любимой женщиной таким благородным и благодетельным рыцарем. У него, к тому ж, имеется еще один сильный и, как, опять же, ему кажется, благородный козырь в запасе — он мог, но не выдал брата Дуни полиции. Говоря о десяти тысячах для его сестры в разговоре с Раскольниковым, Свидригайлов уверяет: «...Я без всяких расчетов предлагаю. Верьте не верьте, а впоследствии узнаете и вы, и Авдотья Романовна...» Но, разумеется, в тот момент не только его собеседник, но и сам Аркадий Иванович не верил в то, что «без всяких расчетов»: расчет-то, пусть и наивный, как раз был — удивить, поразить Дуню, растопить лед в ее сердце. Но вот, надо отдать ему должное, уже после катастрофы, после рокового для себя свидания с Дуней, Свидригайлов уже совершенно бескорыстно продолжает совершать благодеяния: дарит 3 тысячи рублей Соне (чтобы было на что вслед за Раскольниковым в Сибирь ехать и на что там жить), оставляет аж 15 тысяч своей юной несостоявшейся невесте (хотя, конечно, лучше бы суммы распределить наоборот!)... А ведь по складу его натуры и согласно атеистическому мировоззрению, ему должно было перед добровольным уходом из жизни дойти и вовсе до предела цинизма, уж совсем какой-то безобразный выверт сделать-утворить — к примеру, изнасиловать Дуню или

выдать-таки брата ее, дабы отправить его если не «в Америку» вслед за собой, то хоть на каторгу... Вот как сам Достоевский позже рассуждал об этом в письме к своему читателю и почитателю Н. Озмидову (февраль 1878): «Теперь представьте себе, что нет Бога и бессмертия души (бессмертие души и Бог — это все одно, одна и та же идея). Скажите, для чего мне тогда жить хорошо, делать добро, если я умру на земле совсем? Без бессмертия-то ведь все дело в том, чтоб только достигнуть мой срок, и там хоть все гори. А если так, то почему мне (если я только надеюсь на мою ловкость и ум, чтоб не попасться закону) и не зарезать другого, не ограбить, не обворовать, или почему мне если уж не резать, так прямо не жить на счет других, в одну свою утробу? Ведь я умру, и все умрет, ничего не будет!..»

Выходит, Аркадий Иванович в самых потаенных глубинных извилах своей потасканной души все же робко надеялся на бессмертие не только в виде закоптелой баньки с пауками, на существование Бога, стремился-желал перед свиданием с Ним, как перед свиданием с Дуней, уравновесить пуды своих преступлений, циничных поступков и грехов золотниками предсмертных благодеяний...

Отпустив-таки Дуню с миром, Свидригайлов случайно обратил внимание на револьвер, отброшенный ею, подобрал: там оставались еще два заряда и один капсюль. К слову, револьвер этот принадлежал некогда самому Свидригайлову и вот, волею случая, отыскал своего хозяина, сохранив для него единственный и последний выстрел. Впрочем, и этот, последний, капсюль мог тоже дать осечку, — и что бы тогда делать стал в наипоследний момент Аркадий Иванович? Об этом можно догадываться: уже имея револьвер в кармане, за несколько часов до самоубийства, Свидригайлов в полночь переходит через мост и «с каким-то особенным любопытством и даже с вопросом посмотрел на черную воду Малой Невы...» Вполне вероятно, что, не сработай капсюль, он бы просто-напросто утопился. На веревку этот господин вряд ли согласился бы, не желая опускаться до уровня своего лакея Филиппа. И еще один весьма любопытный штрих: перед свиданием с Дуней Свидригайлов для куражу выпивает через не могу бокал шампанского, а вот перед отправлением в Америку весь вечер поит-угощает каждого встречного-поперечного, бродя по трактирам, сам же не выпивает ни глотка — для совершения самоказни кураж ему уже не нужен. В последние часы своей жизни Свидригайлов делает все для того, чтобы жизнь эта, окружающая земная действительность осточертели ему до крайнего предела, он словно пытается рудименты предсмертного страха подавить-заглушить окончательно непереносимым отвращением к бытию. Хлещет дождь, воет ветер, а он, вымокший до нитки, бродит допоздна по темным улицам, по вонючим грязным кабакам, общается с пьяным отребьем, затем снимает «номер» в замызганной гостинице на окраине города, словно хочет-намеревается въяве представить себе загробную придуманную им убогую вечность: «Он зажег свечу и осмотрел номер подробнее. Это была клетушка до того маленькая, что даже почти не под рост Свидригайлову, в одно окно; постель очень грязная, простой крашенный стол и стул занимали почти все пространство. Стены имели вид как бы сколоченных из досок с обшарканными обоями, до того уже пыльными и изодранными, что цвет их (желтый) угадать еще можно было, но рисунка уже нельзя было распознать никакого. Одна часть стены и потолка была срезана накось...» Ну, чем не аналог баньки с пауками? Только здесь и пока Свидригайлова одолевают-мучают не пауки, а мухи и мыши — в кошмарах и наяву. Кошмары же чуть не сводят Аркадия Ивановича с ума, и он заранее знал-предчувствовал, что его будут душить кошмары, однако ж, стремясь набрать-накопить поболее злобного отвращения к жизни, он погружается в кошмарное полузабытье вновь и вновь: то он видит в гробу девочку-самоубийцу, загубленную им, то пытается спасти от холода пятилетнюю малышку, но она вдруг начинает соблазнять его... Поразительна здесь подсознательная реакция закоренелого циника и развратника — даже он ужаснулся: «Как! пятилетняя! — прошептал в настоящем ужасе Свидригайлов. — Это... что ж это такое?..» И — самые последние поступки-деяния Аркадия Ивановича перед отправлением в последний путь, в «вояж»:

он проверяет капсулю в револьвере, пишет традиционную вполне дурацкую записку, мол, в смерти своей никого не винит и... ловит муху. Он долго и упорно пытается поймать муху. «Наконец, поймав себя на этом интересном занятии, очнулся, вздрогнул, встал и решительно пошел из комнаты». Это — Достоевский! Позже, в «Бесах», он воссоздаст-использует еще раз подобную психологическую деталь, разовьет ее до поистине философского уровня в сцене самоубийства Матрешки, когда Ставрогин, находясь за стенкой, и зная-догадываясь о том, что происходит в чулане, — сначала так же упорно ловит муху, а затем начинает пристально рассматривать «крошечного красненького паучка на листке герани»...

В описании последних минут жизни Свидригайлова есть еще одна чрезвычайно любопытная деталь, как бы связывающая его с героем повести В. Гюго «Последний день приговоренного к смерти», с Родионом Раскольниковым и, больше того, с самим Достоевским. Французский преступник, которого везут на казнь, в последние мгновения пути пробегает глазами по вывескам на лавках; Раскольников, идя в участок с признанием-повинной (тоже, по существу, на казнь, по крайней мере — своей судьбы), «жадно осматривался направо и налево», вчитываясь в вывески и даже отмечая в них ошибки («Таварищество»); а князь Мышкин в «Идиоте», рассказывая об ощущениях и мыслях человека (самого Достоевского), которого везут к эшафоту, живописует, как ищет он взглядом знакомую вывеску булочника... Видно, запала эта деталь в память писателя-петрашевца! Вот и Свидригайлов по пути к месту самоказни, взглядом то и дело «наткался на лавочные и овощные вывески и каждую тщательно прочитывал...»

В последнюю решительную минуту Свидригайлов вел себя хладнокровно, нервами-чувствами своими владел в полной мере. Он даже как-то усмешливо довел до логического конца свою шутку-эвфемизм про вояж, объявив случайному свидетелю — караульному солдатику-пожарному (Ахиллесу), — что-де едет в Америку и пусть тот так и объяснит потом полиции: поехал, мол, в Америку... И — спустил курок. Осечки не произошло.

Фамилия Свидригайлов отражает противоречивую, изворотливую сущность этого героя. Достоевский, интересуясь историей своего рода (имеющего литовские корни), обратил, вероятно, внимание на этимологический состав фамилии великого литовского князя Швитригайло (Свидригайло): гайл (нем. geil) — похотливый, сладострастный. Кроме того, в одном из фельетонов журнала «Искра» (1861, № 26), который входил в круг чтения Достоевского, шла речь о некоем бесчинствующем в провинции Свидригайлове — личности «отталкивающей» и «омерзительной».

В образе Свидригайлова в какой-то мере запечатлен психологический облик одного из обитателей Омского острога — убийцы из дворян Аристова (в «Записках из Мертвого дома» он выведен как А-в).